

Семейские резко отличаются от сибиряков своим высоким умственным, экономическим и социальным благосостоянием.

У староверов есть будущее, у сибиряков же никакого. Семейские – это гранитные камни. От векового действия враждебных стихий они, быть может, выветрились и исполнились недостатками, но доселе все еще стоят крепко и представительно, неизмеримо возвышаясь над всем остальным сибирским населением.

Печатается по: Прыжов И. Записки о Сибири / Газета «Сибирь», 1881, № 7. С. 330 – 352.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СЕМЬИ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ)

В настоящем выпуске мы публикуем рассказы, записанные в 2006-2007 гг. от представителей семьи Зайцевых, жителей села Новоандреевка Белогорского района Амурской области. Это брат Николай Еремеевич Зайцев (1936 г.р.) и две сестры Александра (Сара) Еремеевна Зайцева, в замужестве Васина (1930 г.р.) и Мария Еремеевна Зайцева, в замужестве Борисова (1934 г.р.). Именем Сара старшая сестра была наречена при крещении, однако «в миру» использовалось имя Александра (Шура).

История семьи Зайцевых примечательна. Они называют себя кержачками, «выходцами с реки Кержа» (Керженец). По названию реки старообрядцев называли кержачками – это была одна из самых крепких в православной вере групп старообрядцев. Известно, что по реке Керженец (Нижегородская область) еще в XVII в. существовали поселения старообрядцев, скрывавшихся от властей. Наибольшую известность получил Комаровский скит, описанный в романах П.И. Мельникова-Печерского – историка, этнографа и писателя, по заданию Российской академии наук в конце XIX века изучавшего историю, нравы, особенности веры и быта старообрядцев.

По рассказам Николая Еремеевича, род Зайцевых в начале XIX в. насильственно был переселен в Забайкалье в деревню Андреевка из Нижегородской области. В 1886 г. Зайцевы одними из первых вместе с семьями Кушнаревых, Сластиных, Свинкиных, Петровых уже в Приамурье на берегу реки Зeya основывали одноименное село. В амурский край большая семья Зайцевых выехала добровольно, так как в Забайкалье не хватало пахотных земель, а в здесь обещали большие надель. После нескольких наводнений село Андреевка было перенесено выше по Зее и в 1928 г. переименовано в Новоандреевку. Уже более века потомки первых андреевских поселенцев проживают на амурской земле.

Зайцевы занимали высокое общественное положение в Новоандреевке, были уважаемыми людьми. Еремей Зайцев (отец) возглавлял старообрядческую общину, вел службу, крестил детей, разбирал ссоры между соседями, воспитывал в своих детях и односельчанах любовь к православной вере. Многие члены большого рода Зайцевых были раскулачены и репрессированы в годы коллективизации за то, что имели крепкое хозяйство, много трудились сами и имели наемных работников, которых приравнивали к членам семьи, за то, что читали православные книги, молились и учили жить по совести.

Дети Еремеева Зайцева, чьи рассказы мы публикуем, хранят в памяти рассказы о прошлом старообрядческой общины. В их воспоминаниях повествуется о крестьянской жизни,

истории семьи и рода, переселении в Приамурье. Их рассказы содержат поучения о том, как следует жить в Боге, растить детей, относиться к людям.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

*А.Е. – Васина (Зайцева) Александра (Сара) Еремеевна, 1930 г.р.
М.Е. – Борисова (Зайцева) Мария Еремеевна, 1934 г.р.
Н.Е. – Зайцев Николай (Никодим) Еремеевич, 1936 г.р.
с. Новоандреевка Белогорского р-на Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2006-2007 г.
Обработала Архипова Н.Г., 2008 г.*

«Хорошего я ничо не видела, а всё вот переживания...»

– *Вы в этом селе родились?*

А.Е.: Ну, я здесь родилась, у нас здесь така деревня больша была, две улисы было, была мельница у нас была, все водой снесло... Больша деревня была.

– *Расскажите?*

А.Е.: Колхоз миллионер был, был председатель у нас, Пытин название. Он помер уже, тоже нету его...ну, а потом он, как это, разрушилося всё, пошла перестройка какие-то и всё. Я говорю, всё попропало, с голоду ребятишки голодны (*нрзбр.*). Я ү(во)рю, запретили бы, шоб самогонку бы не гнали б ў деревне, може бы люди всё бы жили бы, жили бы може люди, да детей бы воспитывали, а то до копеечки пропивають, пойдуть заработають, к нам же ко старикам, пойдуть за камни сядуть, а дети просят: «Дай кусосек хлеба, баба». Вот такая жисть подошла. Не дай господи! Вот мне уж девяносто лет через год, прожила в деревне, я здесь самая старша в деревне.

Были хорошо здесь жили, жили...

Пьянка, работать не хочуть молодые, старых не слушают ни граммы. Мы делали как надо, так же стариков так уважали, дак не знаю, как мать с отцом, а щас ничо молодым не скажи. Если скажешь, заорёт, пошлёт, где ни был, такими матюгами дак...

А мене детей не было, мне одного мужа на фронте убили. За второго, за фр(он)т(ов)ика вышла, тоже пожил немножко, легкими заболел, был на фронте, да и всё. И (в)от одна так и... родители, были родители, отца похоронила и мать похоронила, всё в этом доме, и брат калека остался, тоже без ноги. Вот щас мы с братом живём, да племянник у нас живет тоже. Жил он у брата, г(ово)рю, помешал чё-то им, я его прінила, он у нас щас уже пятнадцать лет живёт... Вот так и живем, доча.

Хорошего я ничо не видела, а всё вот переживания, пьяницы. И щас вон, пьють по десять дней ходють, ладно брат перестал пить, стал хоть маленько, а то было делов, так и с метеўкой (метелкой) ходила, дворником, ключи ў кармане были. Всего не было, так тоже дожились бы, ни кола ни двора не было. А вот девяносто лет дом стоит!

– *Это ваши родители строили?*

А.Е.: Здесь родители наши строили, так у ей (у мамы) дожила, никуды отсюдова...

– *А родители сюда, когда приехали? Знаете?*

А.Е.: Не знаю, доченька. Была когда-то стара деревня, там была, именно там деревня (г)де-то была, оттудова. А старики, мамины бабушки, дедушки, они аж с Забайкала, оттудова, оттудова приехали, здесь стали жить.

– А откуда из-за Байкала?

А.Е.: Не знаю, доченька, не знаю, это я уже не знаю, с куда, но не бабушка мамина, отец (г)де-то в Забайкалье ишло были, там оне, а потом так остали(сь) оне здесь жить. Четыре брата, у отца было четыре брата, все ж в деревне у нас жили. Четыре брата у дедушки было, в деревне здесь жили все. Их раскулачи(в)али бедных. Это раньше гадкая жисть была. Нашего отца... шес(т)ь месяцев сидел в тюрьме, что Боуу молился. Боуу молился, и его посадили, в Благовещенске сидел, вот.

– Так, а раньше все Богу молились?

А.Е.: Раньше церква была, Богу молились ходили. Я знаю. Може мне лет двенадцать было, тринадцать, бабушка нас возметь и ходили молиться Богу в церкву. Аҫа, всё разрушили, иконы валялись, прямо по земле валялись иконы, валялись по земле.

– А что с ними сделали?

А.Е.: А кто? Боу их знает, я лет-то уже не... Куды их девали, куды их не сдевали, потом в этом же, в церкви клуб сделали, ходили плясали там...

– Старикам не нравилось?

А.Е.: А чё ж, Господи! Конечно, не нравилось. Да я и сохоронить ходить. Тятя, бы(в)ало, хоронил ўсех, а те-то книжечки были (*нрзбр.*), был этот, этот ...ну, кадь...как его называется эту, что (*нрзбр.*)...

– Кадило?

А.Е.: Кадила была у него всё, и книги у нас были, такие вот, и читал он побожественные, хоросо читал книги, а потом, ко(г)да (е)во похоронили, мы (*нрзбр.*), мы их закопали, с отцом хор(онили), три книги закоп(али). Вот сестра моя всю жизнь тоже здесь, тоже пожила уже, она тоже знает. Деревня хороша была, така весела была, пароходы ходили.

– У вас тут пароход с золотом утонул?

М.Е.: Был пароход и канонерка.

– Расскажите.

М.Е.: Канонерка, канонерка.

А.Е.: Вот Маруся (*нрзбр.*).

М.Е.: Я не помню, знаю, что утонула, вот, а так чё я не помню.

А.Е.: Вот канонерка была, нашего Пет... дядю увез... как-то вот... утопили уж эти, как их. Кто его утопил, это Ивана? Его же нашли. Тоже каки-то...

М.Е.: Архипа, наверно.

А.Е.: Не знаю. А?

М.Е.: Архипа, наверно, утопили, Архипа?

А.Е.: Иван его звать было (*нрзбр.*).

М.Е.: Иван, ну я уже (*нрзбр.*).

А.Е.: Он тосый (толстый) такой.

– Почему утопили?

А.Е.: А Бох их знает!

М.Е.: Японцы были тут.

А.Е.: Были же здесь, ездили, я помню на коней. Ездит, эти кляпки такие высокие еще, бы(в)ало к нам придуть и «У вас ружьи есь?»». А брат постарше мне на два года был: «Есь»

ружья у нас». Пойдем, в огороде эти семечки росли, а бы(в)ало эти семечки так братишки, вот так отшедущат... Вот ружья, мы и стреляем с этих ружей (*смеется*). У маленьких, правда, ружья ессь. «Ессь ружья, в огороде у нас ружья, видите». Повели. А он семечки нарывает и так вот стреляить, вот мы стреляем, вот... Было делов много.

– *Тетя Шура, расскажите про канонерку. Как она затонула, куда золото делось?*

А.Е.: Тех уже людей, доченька, нет. Вот наш дядя, тятин брат рódный, было на канонерке всех утопили (*нрзбр.*), его Ивана. Был здоровый такой мужчина. Была бы, где чё-нибудь, драка кака, он как зайдет, они все разбегутся: «Что вы делаете? Что это деретесь?». Такой был строгый мужик! Отцов брат был.

– *А золото куда? Утонуло?*

А.Е.: А...а канонэрка я не знаю, не знаю.

– *А говорят у вас в огородах находили?*

А.Е.: Это наводнение было.

М.Е.: Наводнение.

А.Е.: (*нрзбр.*), здесь вот на лавочку заходила вода, заливало той. При моих, уже ско(ль)ко я живу, дак то два раза в Комиссаровку уезжали, дедушку с бабушкой оставим на вышке, а мама нас детей здесь соберёт, а у мамы было семь нас, и у Комиссаровку уезжали. Аүа, вот два раза был, в тридцать восьмом году было, ишшо в каком-то, два раза вот было наводнение.

«Зайдите в избу мою, девяносто лет, да смотрите, как я живу»

– *А дедушка ваш по книгам читал, вот он...*

А.Е.: По книге, всё по книге читал, книги были, у нас ишшо одна книга ессь церковная, така здоровая, щас Коля её никому не даёт, вот этот брат. Не даёт, пускай г(овор)ит лежить, үде хоть, тятя бы(в)ало, ешли хто умрёт, боялись... не знаю как, пойдеть (*нрзбр.*) отчитаеть ...ни хо... церкву-то не ходили, отчитаеть, вон эта... Зайдёте в горницу? Зайдите в избу мою, девяносто лет, да смотрите, как я живу. Вот девчата приехали, маненечко шо мне помогли. Я люблю, чтоб чистенько было всё крууом. Зайдите, я вас прошу, зайдите, нарошно поглядите.

Всё по стариночке у меня сделано в избе.

– *Как дедушка одевался, помните? В чем он ходил?*

А.Е.: Шапка была у него, така шапка была, унты были, рукавицы были такие это...

– *Меховые?*

А.Е.: Да не меховые, я и сама не знаю, ну, одевался хорошо дедушка. Рубашка простая, тужурочка и всё.

– *Тужурочка. А с поясом?*

А.Е.: Не, у нас кушаки раньше носили, кушак.

– *Это какой?*

А.Е.: Кушак, ну, с матерьяла. Бывало, красный кушак как подпояшуть. Мужуки здоровые были, мужуки таки были, щас таких нет, нет таких мужуков.

Пораскурились (*нрзбр.*), приехала вчера, пришёл с Томичей пешком, поглядели бы на рожу, страшно такой, голодный (*нрзбр.*).

– *А бабушка как одевалась?*

А.Е.: Бабушка! Сарафаны носили, сарафан. У нас ящик стоял такой дак сар...бабушка. Мама одна была у их. Сарафаны носили эти, рубахи таки, рубахи сшитые. Мы так это хоронили маму, сарафан сшили, по старинке похоронили, тоже иконочку ей полóжили, дедушке икону полóжили, книги. Доча, как...как он знал вси равно: «Умру, книги не оставляйте, Коля, если хочешь (*нрзбр.*) ту большу оставь племяннику». У нас одна есь книга своя, то тестя (здесь) в земле.

– *Книги положили, иконы, а ещё что?*

А.Е.: Больше ничо не лóжили.

– *Лестовку не клали?*

А.Е.: Лестоўки! Не, была, была лестовка, ишшо я ее за...там у нас, там за ком(н)атой жила сестра ма(мина)... двоюродная сес(тра)... Две лестовки было, у ей, у Натальи. Она тоже в церковном всё зна(ла): «Доча, да тебе, ты ж не так молился. Я бы молюся бы это, на тебе лесточки». Ей о(т)дала, этот, кадилъницу о(т)дала ей, книжечка такая была, тятя хоронил. Аҫа, по этой книжечке (*нрзбр.*) тоже ей о(т)дала (*нрзбр.*). А те(перь) оне в Натальевке (Натальино) живутъ. И щас не найдешъ. Ни лестовку, никого.

Тут венчики были, там венчик был, на голову венчики одевали.

– *Гроб из досок сколачивали?*

А.Е.: О! с корытьев (*нрзбр.*) аҫа. В корыте, прямо корыто выдолбють, такое корыто бравое, дак вышпоркают всё, а щас, с досок не найдешъ.

– *А чем долбили?*

А.Е.: Да таким вот это вот... вострый, как их называютъ, я не знаю, долбили, бы(л) вострый бы(л), бы(л) в гробах. Ивана в гробе, бабушку, всех в гробах...

– *В каких?*

А.Е.: Да в лисяных (листвяных), лежали по три, по четыре года сухие (*нрзбр.*), да с гробов. А щас, эти... Как бабушка умерла, дак дóсок не могли найти. Щас с досок забьют. Да щас ладно, хоть готовые ишшо, готовых щас много, у кого кака копейка есь, да поедутъ, готовые, оббиты, всё, хоть слава Богу это, готовый гроб есь, можно купить вот.

– *А когда хоронили, одежду специально делали для этого?*

А.Е.: Ткань эту берёшь в магазине и шьёшь.

– *А вот когда бабушку и дедушку хоронили?*

А.Е.: Рубаха, сарафаны были такие, ишшо с левдами были эти.

– *Красивые?*

А.Е.: Мг, белы.

– *А пояс был?*

А.Е.: Пояс... Пояса были, широкие пояса были, такие... Всяких разных ентых, это были, ниток связанные.

– *А бусы носили?*

А.Е.: Да, носили, мама даже всё время носила... Я приду...вся в бусах. Всё время были бусы, у нас бусы, мода эти бусы (*нрзбр.*).

– *А бабушка в платке ходила?*

А.Е.: В платке, также я (хожу)... Шапки я не носи(л)а всю жизнь, мороз, шапочки хоть да снимай да хоть платок одывай. Не, я привыкла всё время в платке.

– А под платок еще что-то надевали, чтоб волосы держать?

А.Е.: Ну, это об(ык)но(в)енно венчики... Венчики назывались, надевали... Венчик был надет, потом платок одевают.

– А венчик, он какой?

А.Е.: А это как шляпа, шляпочка кругленька.

– С веревочками?

А.Е.: Ага, я (нрзбр.) с вязочками, там затягиваются, потом платок одевают.

А девочки, ну, это, ну, тожить ходили у косыночке, ишшо косыночки, все время в косыночках девчата у нас были, беленьки у них эти косынки, вот было, косыночки беленькие есь, никогда шапки эти не носили (нрзбр.).

– А девочки надевали вниз под платок вот этот венчик?

А.Е.: Нет, нет, нет, не надевали.

– Только замужние?

А.Е.: Только, только вот старенькие, и даже молодые бабы тоже не одевали. Вот пожилые, те одевали венчик, одевали, затягивали его, чтоб это не было.

– А женщина обязательно ходила в косынке или могла косу заплетать, распускать?

А.Е.: Косы, косы, косы заплетала, конечно же, косы, бабы вот так вот завяжут и всё, и косы.

А.Е.: У нас, у семейской веры назывались, там вот хохлы, хохлы жили, а у нас – семейские, у нас называли семейские.

– Тетя Шура, а почему семейские?

А.Е.: А да хто знает, или семьями гнали, как-то осели, народ такой, куды перегоняли раньше, там же была деревня, стара деревня была, здесь уже Новоандреевка стала, здесь уже новые пос(т)роились.

– А та как называлась?

А.Е.: Там Андреевка называлась, а здесь уже Новоандреевка. Во, там ишшо даже кусты черемухи старые. Вот, когда я, с Колей мы ездили на рыбалку, я все гляжу, г(ово)рю: «Кусты ишшо старые стоять, такие (нрзбр.)». А щас порубили их, нет уже. Коров-то нет, бы(в)ало, коровы ходили, да щас все порубили.

Щас ни, ни яблочки. Боярка, черемуха была такая!

– А что из черемухи делали?

А.Е.: Черемуху! Мололи мы ее, мельница специальна была в Князевке. Кулями стояла, с сахаром намешаем, пирожки стряпали, и так, с хлебушком, макали, сладко сделали и все, заместо вареника черемуха была.

– А яблоки как?

А.Е.: А яблочку тоже, яблочку спелу брали больше, спела она хороша, сахаром пересыпишь, и ели, во. А на зиму тоже набирали позеньку (поздненькую), дак заморозишь ее-то целеньку, прямо яблоку, чистеньку таку берешь без листьев (листьев), она (г)де-то лежить там в чистеньком месте. Зимой принесешь чашку, кипятчком обольешь, она такая мя(г)кая, вот и ели. Бы(в)ало, с одной чашки ели. Вот нальем чашку, нальем, семья большая была, бы(в)ало, поставим, ложки деревянные были, деревянными ложка(м)и ели, железных не было ложек. А потом уже жисть появилась другая, стали тарелочки-то аккуратные стали вить (ведь).

Гадкая жись была, некультурные были, щас культурнее стали, люди стали вообще. По тарелочкам, да шоб все было культурно да и...

– *Если вот человек по улице идет и говорит: «Дайте попить?». Давали попить?*

А.Е.: Ну, а как же? От этой никогда, от бань, от колодца не отказывали, нельзя.

– *А из своей посуды?*

А.Е.: Обязательно.

– *Из своей посуды?*

А.Е.: Со своей.

– *Или с другой?*

А.Е.: Не, со своей.

– *И потом из нее пили?*

А.Е.: Ну, а че, пили.

– *Нам говорили, что нет, говорили, что вот семейские отдельно, вот другая.*

А.Е.: Мол, не, неправда.

– *Неправда?*

А.Е.: Не, неправда. Ёсегда здесь, в деревнях, ско(ль)ко людей перебивало. У нас две учительницы жили на квартире, жили все время. В Белогорском они щас живут, живые. Нет, все время письма писали нам, я как-то была у Белогорском, одну увидала, она: «Ой, Шура, это ты ишшо!» (*нрзбр.*). Я гов(о)рю: «Ты хоть бы приехала!». Да, вот тоже старенька уже стала, тожить (тоже) у нас жила на квартире. У нас две учительницы жили на квартире, учили учеников. Мм, жили да прямо, как свои, были, никого мы не обижали, кто то(ль)ко не зае(де)т, всех принимали, всех. Если я не накормлю кого, дак я не знаю кто, если зайдет.

– *А когда бабушка когда была жива, тоже со своей?*

А.Е.: Тоже, тоже, ну, (*нрзбр.*) Мы не денех, не брезговали люди, нет, чтоб не дать чё поесть или еще... Или, бы(в)ало, по миру-то ходили люди, по миру-то ходили, бы(в)ало, вынесешь целый калач подашь (*нрзбр.*), вот и все.

– *Тетя Шура, а вот что еще ели раньше?*

А.Е.: Чё ели раньше? Чё ели?! В каку-то я уже забыла все, ели больше все тыкву, русски печки были, сами хлеб пекли. Вот этож хлеб-то не возили, это щас возють хлеб, вот этот хлеб пекли сами, и пирожки да все, все сами делали.

М.Е.: Вот этому дому нашему уже сто десять или сто двадцать лет, вот этому дому, это один в деревне остался, все уже переделанные, а наш всё вот так еще стоит, низ подделали.

«Семья большая была, у маме у нас было восемь человек»

А.Е.: У нас вот из Зайцевых вот мы троим остались же, брат эт..., а Зайце(вы)х никого нет, все уже покой нашли ... все в земле.

М.Е.: Много, семья большая была, у маме у нас было восемь человек.

– *Вы младшая, да?*

М.Е.: Не, младше брат, вот щас приедет с рыбалки, вот он историю знает хорошо, хоть он с тридцать шестого года, и он, как бы все знает, ко(г)да там пароходы ходили, каких морей (*нрзбр.*).

А.Е.: Я с восемнадцатого, Маруся с двадцать...

М.Е.: В шийсят лет как уехала отсюда, она одна осталась, и (в)от без года девяносто. Вот не слышит, плохо видит, операцию делали, вставляли хрусталик.

А.Е.: Операцию! В глазу тут пятнадцать лет хрусталик. Грыжу делала. Вот работала дояркой, ветеринаршей.

М.Е.: Все по хозяйству, все, держали же хозяйство всю жисть. Вот огороды, этим и жили. А платили-то в колхозе чё? Это ж ко(г)да, вон ко(г)да колхозов не было, то ничо, еще дедушка ко(г)да был, то жили ничо еще, коней держали, амбары были, скот был. Ну, а потом раскулачивали же, все отбирали да забирали их в тюрьмы. Подержут месяц, пытаются: «Говорите, неправда это все». Вот и отца забирали, сидел месяц, там бьют их. Рассказывал: «Ну, подписывайте, чё надо». Вот чё ў ихни дела, вот таки дела, работали все они.

А.Е.: Работали, мама дояркой проработала двенадцать, тринадцать лет.

М.Е.: Я-то уехала (*нрзбр.*).

А.Е.: (*нрзбр.*) заведующим работала, в войну тожить (тоже) в колхозе была. Я в двенадцать лет дояркой и свинаркой работала, и дояркой, работали! Уйдешь в восемь часов, на часы нико(г)да не глядели, а ...

М.Е.: Целый день.

А.Е.: Целый день да дома пятьдесят соток, огород вон садим какой.

М.Е.: Норма была картошки эта сорок соток выполоть.

А.Е.: Я семянку одних убирала, по четыре мешка семянку убирала, сдавали.

– А что такое семянка?

А.Е.: Тыквицу сдавали...тыкву, семечек засушу, на базар продам, куплю чё-нибудь там, продукты, все.

М.Е.: Трудно жили, трудно жили, бедно жили, бедно.

А.Е.: Трудились, всю жизнь трудились.

М.Е.: Знаете, не то что щас, вот щас говорят, все плохо, а, видите, все есть, ведь все. Сара щас получает четыре тысячи, и брат четыре тысячи, вот хозяйство все же держут...

М.Е.: Чушек, коров не стали держать. Все время держали. Года два не стала держать, не стала ходить, вот так...не чушек, курей.

А.Е.: Держали! Да я по две коровы держала, две коровы держала...чушек все время.

М.Е.: Вот этим и живут, щас племяннику помогают.

А.Е.: Хозяйство, щас одни курочки и остались и все, хозяйство большое было. Щас без коровы.

М.Е.: А с ними племянник живет, и брат, тоже без детей. По молодости женился, она не захотела здесь жить, поехала в другу деревню, он остался с мамой, ну и так вот ему семьдесят лет, ни детей нет, ни у ней нет. И племянник пришел с армии, видать и чё-то у него неладны по... мужской силы. Он не женился, ему пийсят пять лет, тут живет. Ну, когда не пьет, хорошо помогает, ну, щас вот выхаживаем, вот уже шесть дней...

А.Е.: А девять дней гуляет...

А.Е.: Этот пьет маленько, порядки наведет, а у меня нет другого.

М.Е.: Ужас, ужас, брат у него, брат тут живет у него, брат, вчера ходили к брату, говорим: «Помогай чё-нибудь делать, – говорим, – давай кодировать его». Вчера, г(ово)рит: «Надо, чтоб он сам хотел, а так бесполезно». А ко(г)да трезвый лучше...

А.Е.: Так куды, никуды не выгонишь, ни кошка ж...

М.Е.: Хозяина нет, и сварит, и выстирает, и вымоет, ну как, женщина так не делает, как он, и все несут ему, то топориче сделать, то пилу наточить, то тяпки наточить, то электричество там какое, все-все подделать, и бутылка самогонки.

А.Е.: Раньше, бы(в)ало, ес(л)и придет этот, у нас посидели за столом, бутылочку выпили: «Ну, пойдете к нам».

М.Е.: Сколько их человек? Десять человек.

А.Е.: Ага, пойдём к тем, там посидим за столом.

М.Е.: Десять человек гуляет, пятнадцать, и за день пятнадцать семей обходят. С гармошками по деревне.

А.Е.: Bravo! Так жили хорошо!

М.Е.: Пели хорошо мы сильно.

А.Е.: Пели.

М.Е.: Она так здорово поет и я петь...

А.Е.: Голос у меня такой был, бы(в)ало, песни любимые петь, как запою, дак и эта такая же.

М.Е.: Все пели, мама пела, а...

А.Е.: Мы вот сестры были, как затынемся другой раз, дак ночью поем это... Думаешь, каки песни хороши старинные...

М.Е.: Отец у нас был, без него никого не хоронят, их вот три брата было...

А.Е.: И частушек, это, бы(в)ало, как гармошка заиграет, дак я их...на(ве)рно, штук сто, наверно, частушек, вон как по деревне, голосистая така была.

М.Е.: А их три брата было, два Василия и наш отец Еремей Иванныч, дак без них не хоронили...

А.Е.: Ай, бы(в)ало, как затынешь песню, лампочка аж тухнет.

М.Е.: Раньше же отпевали, как кто помрет, обязательно отпевают, гробы делали, ни одного гвоздя, у каждого двора лесина для этого... Это как их выдолбят, ни одного гвоздя.

– Мужчины делали? Да?

М.Е.: Мужчины, даже не все умеют, нет, этот наши делали.

– А потом заколачивали гроб или нет? Когда...

М.Е.: Нет, делали штыри и дырки, и так без гвоздя, в гробу гвоздя ни одного не было.

А.Е.: Кого это, Маруся?

М.Е.: Да гробы делали, говорю, без гвоздя.

А.Е.: А! Ну, гробы были, в гробах и дедушку, и бабушку похоронили.

М.Е.: И они отпевали, крестили всех они, только они.

А.Е.: Тятя крестил маленьких.

– Вот, расскажите, как крестили?

А.Е.: Тятя крестил маленьких, ходил он по деревне...

М.Е.: В тазике водичка.

А.Е.: Как народится кто, он поидеть, покрестить, я говорю...

М.Е.: С иконами, с молитвой, обмоет.

А.Е.: Обмоет!

М.Е.: С маленьких токо.

А.Е.: Крестив маленьких, купели таки были, покрестить маленьких.

– *В теплой воде?*

М.Е.: В теплой.

А.Е.: Тепленькой водою крестить.

М.Е.: Теплой, теплой, шоб кум и кума была обязательно.

– *Обязательно?*

М.Е.: Обязательно.

– А кого можно было брать?

М.Е.: Из родственников можно было брать, можно было брать.

А.Е.: Ой, жили, жили, браво ишло... как-то ж родных всех знали, а шас мать, отца не понимают, никого, ничо не вста... Есть дети, по трое детей, а матери в доме престарелых умирають. Все, хорошего не стало.

– *Тетя Шура, как брата зовут? Брата как зовут? Николай?*

М.Е.: Коля, Коля, Николай Еремеевич.

– *Братьев как звали вот ваших?*

М.Е.: Макар Еремеевич, Михаил Еремеевич и Ев(докия)... Дуся у нас была, и вот Коля и Степа.

М.Е.: Дедушку как величать? Харапонт?

А.Е.: Не помню сей Харапонт (*нрзбр.*)

М.Е.: Ну, а отчество как его?

А.Е.: И спреси, Господи!

М.Е.: Спиридонович!

А.Е.: Ой, Спиридон!

– *Спиридонович?*

А.Е.: Спиридон его звали.

М.Е.: У нас все настоящие (имена), поэтому бывает два Ивана, два Василия, две Евдокии.

– *В одной семье?*

М.Е.: В одной семье, в одной семье, только по книгам. Книги у нас он такие...

А.Е.: Четыре было (*нрзбр.*) у тяти, четыре было.

М.Е.: (*нрзбр.*) уже никому, сам, у него они. Коля, ну, иди маленько расскажи девчонкам.

«Здесь с Забайкалья переселение было, забайкальские назывались»

– *Здравствуйте, Николай Еремеевич.*

– *Здравствуйте.*

Н.Е.: Вы же знаете, ко(г)да она (Новоандреевка) основана?

– *Расскажите?*

Н.Е.: В тыща восемьсот восемь(де)сят шестом году.

М.Е.: Вот он знает историю.

– *Кем основано?*

Н.Е.: Она ж не здесь была, вот туда ниже, четыре километра, а в двадцать восьмом году ее сюда переселили, в двадцать восьмом году.

– Почему?

Н.Е.: Наводнение было большое, и вот после наводнения ее сюда переселили. Она была (г)де вот эта, вот первые кусты, мыс, видите, такой? А вон вторые, там сад черемухи, вот там была Андреевка, щас там называется Староандреевка.

– Там есть дома?

Н.Е.: Ничо там нету.

А.Е.: Ничо нет.

– И ничего не осталось?

Н.Е.: Ничо, пон(има)еть(е), а это называется Новоандреевка.

А.Е.: Новоандреевка.

Н.Е.: И вот в двадцать восьмом году ее оттуда перевезли сюда, Андреевку.

– Николай Еремич, а может, вы знаете, почему ваше село семейским называется?

Н.Е.: Здесь с Забайкалья переселение было, забайкальские назывались.

А.Е.: С Забайкала, а дедушка не с Забайкала.

Н.Е.: С Забайкала все здесь.

– А откуда из Забайкала, помните?

А.Е.: Нет.

Н.Е.: Нас еще называли кержаками, здесь есть речка Кержа́, там, и вот. А люди недопонимали все это: кержаки, кержаки. Ну, считали староверами: там не дадут воды напиться, негостеприимные и все такое прочее, а оказывается это совсем не так. И вот кержаками звали. А это название пошло от речки, речка Кержа есть, откуда они переселялись с Забайкалья, вот, видите, дошло и до...

– А как вот жили раньше, расскажите?

Н.Е.: Раньше жили?! Бедно жили!

– А в чем бедность проявлялась?

Н.Е.: Да во всем! Работали день и ночь, а в двадцать восьмом году раскулачили.

– За что?

Н.Е.: Ну, самых работах, это была просто ошш'ибка, проверила по ошш'ибкам, была допущена. Если б не раскулачивали, так бы все осталось и все, раскулачили и выслали всех. Забрали коней (*нрзбр.*).

А.Е.: Усе позабирали.

Н.Е.: Все позабирали.

– А куда выслали?

Н.Е.: За Комсомольск, где Комсомольск, там есть Мылка, Мылка на окраине Комсомольска, вот туда.

А.Е.: Оне в Комсомольск, в Комсомольск поухали отсюда много.

Н.Е.: На Мылке многие жили.

А.Е.: Ну, на Мылке.

Н.Е.: А канонерку, вот она, обстреляли за этим востровом.

– Расскажите?

Н.Е.: За этим золо...у них было золото, опиум и сукно, и кто побогаче жил, на лодках туда ныряли, на лодках, а золото, были слитки по двенадцать килограмм, этот слиток.

А.Е.: Это ты лучше помнишь.

Н.Е.: Там вот (*нрзбр.*), Магровские на лодках туда, а кто бедно жил, они туда не плавали.

И вот, го(во)рит, там было чё: оружие, патроны, золото, сукно и опиум. И один повесил на себя этих, винтовок этих, а от патронов были ленты же, Архип, не помнишь его фамилию, го(во)рю, и он, как слон, в лодку прыгнул и до сих пор в Зее, его так и не нашли.

– *Потому что утонул?*

Н.Е.: Утонул, утонул.

– *Так, а как? Они просто плавали, и это золото на себя что ли?*

Н.Е.: Они ж плавали... и канонерку эту обстреляли партизаны.

– *А чья канонерка была?*

Н.Е.: Белогвардейцев.

– *Белогвардейцев?*

Н.Е.: Конечно, да.

Вот где этих белых обстреляли, а потом наши, кто побогаче жил, у бедных лодок же не было, они туда ныряли, это золото...

М.Е.: Вот у дедушки Назара-то в огороде нашли, да? Ты не знаешь?

Н.Е.: Да, я помню, потом...

М.Е.: Нашли.

Н.Е.: А Василенко под Троицким нашел двенадцать килограмм слиток.

М.Е.: А! Он тогда, аҫа, аҫа.

Н.Е.: А он его сдал, ему оплатили там сколько-то процентов, а он там пахал под Троицким. А почему он его нашел под Троицким: там были заимки, колода, коней держали, зимовья были, а он пахал и зацепил культиватором, культиватором. И привез его в сельсовет туда, унес там, пригласили участкового.

М.Е.: Ну, ему дали награду.

Н.Е.: А?

М.Е.: Награду, деньги дали ему большие, да?

Н.Е.: Ему тот раз, но это не те, что деньги были, не вот эти, ему перевод пришел сто соток тысяч, (*нрзбр.*) чё-то такое.

М.Е.: Вот таки дела!

Н.Е.: Ну, а там уже в Князевке...

М.Е.: Мельница была тут богатая.

Н.Е.: Мельницу перевезли, она стояла вот здесь за деревней, возле Комиссаровки, она там сгорела, вот в Комиссаровке она сгорела.

М.Е.: Вот этот ряд все были дома, всё, всё сгорело.

Н.Е.: Если мельницу...

А.Е.: Мельница была.

Н.Е.: Отсюда перевозили, тридцать лошадей запрягали, лошадьми тянули.

А.Е.: Щас в Комиссаровке она. Это дорогу хотели делать, камней навозили, шобы не мыло так... (*Показывает на большое нагромождение камней напротив дома*).

Н.Е.: Это возили с отвала, с Благовещенского карьера, хотели сделать перемычку здесь (нрзбр.).

А.Е.: Ну, потом как эта, перестройка кака-то пошла и всё.

Н.Е.: Сделать две дороги, одна дорога асфальтовая, а вторая... все заглохло, заглохло, а в Петровке, ниже двенадцать километров, успели все сделать.

А.Е.: В Петровке сделали.

Н.Е.: Весь берег укрепили, берег.

М.Е.: А так тут ничо: ни детсада, ни бани, вот скорую помощь, если бензином заправят, дак (нрзбр.), а так вот ночью случись – всё умирай, ничего нет.

– Только, если своя, да, машина?

М.Е.: Да, конечно, у кого то(ль)ко транспорт, всё. Телефона нету.

Н.Е.: Нам некогда мобильники покупать.

М.Е.: Вот один в деревне только, а так, и никому, депутаты ездют, никому никакого дела, никому нет.

А.Е.: Никого, лампы были висели, свету не было.

Н.Е.: Жили бедно раньше, ничо не видели, день и ночь работали.

А.Е.: Бедно жили, дети одни были.

– Николай Еремич, а вы рыбак? Да? Вот расскажите, чем ловите рыбу?

М.Е.: Ой, рыбак такой невыносимый (нрзбр.).

– А кого ловите? Белуга?

М.Е.: Белуга, да ты что! Какая белуга? а оголь...

М.Е.: Сазаны, нам уже сазанов поймал?

– Здесь? Мне кажется, уже нет.

Н.Е.: Ну, как нету, попадает, но редко.

– Редко, наверно, а ловите на что? Вот на перемет или на что?

Н.Е.: Мы ж на Зэе рыбачим на перемет, а на озере вентиля ставлю.

– А не охотитесь?

Н.Е.: Раньше сильно охотился, щас нет.

– Нет, а на кого...

А.Е.: У нас раньше отец рыбачил, колхоз рыбачил.

Н.Е.: Батя рыбачил, в колхоз сдавал за лето по шесть тонн рыбы.

А.Е.: Сдавал рыбы, эх, была така рыба...

Н.Е.: По шесть тонн.

– Ничего себе!

Н.Е.: Десять килограмм на полтора трудодня, на палочку...

А.Е.: Да, бы(в)ало, палочку заработали, ў год один раз получили.

Н.Е.: А на эту палочку давали двести грамм пшеницы, да и всё, а в войну...

А.Е.: А батя всё время работал, на коне ездил.

Н.Е.: А в войну жили, макухи грызли вместо сахара, макуху.

– А макуха это что?

Н.Е.: Макуха это (под)солнечный, а масло давят, остается.

– А-а-а, жмых, вот этот жмых.

Н.Е.: Жмых вместо сахара.

Н.Е.: А ко(г)да мы в колхозе также лето здесь работали, а на зиму в тайгу лес готовить, в Гоньжу, в Сиваки.

– *А лес какой?*

А.Е.: Лето работали, а на зиму в тайгу, лес заготавливали, я сама три раза ездила на лесозаготовки.

– *А как его заготавливали, что с ним делали?*

А.Е.: Пилила.

Н.Е.: Пилили его ручной пилой там...

– *Ручной?*

Н.Е.: Ну, а какой? *(нрзбр.)*

А.Е.: Отец уже, как какой, как, я забыла, какой праздник, так всех собирают и это на лес.

– *На праздник?*

А.Е.: *(нрзбр.)* В двух бараках, бараках там жили, бараках.

– *А родители праздники какие отмечали? Старые праздники?*

Н.Е.: Все!

– *Все? А самый главный какой?*

Н.Е.: Да, вообще все отмечали: и Благовещенье, и Успение, и Троица, и Пасху. Все, все, все, молились.

– *Расскажите, как молились?*

Н.Е.: Собирались, это, вот три брата было их и пожалуйста. У них же книги у во всех были всё. Они всю жисть прожили по девяносто лет, ни разу никто не...никто бороду не брил...

А.Е.: Дедушкины брата, четыре брата здесь дедушкиных это...

Н.Е.: За всю жисть никто ни разу не брился, вот эти бороды, ни один.

– *Борода была, рубаха, да?*

Н.Е.: Все борода, рубаха.

– *А рубаха как у вас?*

Н.Е.: Да всяки, таки были, кушаки были, кушаками подпоясывались.

– *Брюки, да? В сапоги заправляли?*

Н.Е.: Брюки и в шароварах ходили, есики шили, унты сами шили.

А.Е.: Есики. В шароварах больше ходи(ли), кушаки носили мужуки, красны особенно, подпояшет, идет.

Н.Е.: Собирались и молились, пост соблюдали обязательно.

– *Все посты соблюдали?*

Н.Е.: Обязательно!

– *А что в пост ели?*

Н.Е.: *(нрзбр.)* В пост нельзя молочное исть, нельзя мясное исть, ну, я говорю, в пост, в пост всё такое, шоб ни...

А.Е.: А-а, это поствовали, не ели.

Н.Е.: Постовали, как не постовали, все, все посты же справляли.

А.Е.: Справляли! И постные. И яйцами, и не ели мясо, не ели сметану, молоко, это ничо, постное масло можно, капусту, барзук какой-то варили ишшо, картошка ишшо, тыкву парили...

Н.Е.: Постно масло, капусту, как ее, картошку.

А.Е.: ...в русску печку закатаешь эту тык(в)у, она такая сладкая, дак... Мясо это не ели, пост, как пост, так всё, не ели в пост.

– *А дети?*

А.Е.: А ребятям кое-чѐ. Старые постовали, а дети тут, наверно, можить и давали, не знаю, нам-то.

– *Ну, вот вы маленькая была?*

Н.Е.: Ну, а чѐ там раньше давали? Бабушка кусочек сахара вытащит с этого...

А.Е.: Мг, на столе сроду этих конфет не было, шоб конфеты были, печенье были ли, сахар, мы его и не видели-то никогда.

– *Может быть, поэтому и девяносто лет жили?*

А.Е.: Сладостей. Молочко, молоко было. И то не делили так, как щас прямо с этой делим, а ложкой деревянной, ложечку и всё.

Н.Е.: Все посты соблюдали.

А.Е.: Чашка вот была, ложка деревянная (*нрзбр.*). Никто не знает, кака раньше жисть была и не верют даже, ишшо и осердятся, скажешь. Думаю: «Да, Господи! Да пожили бы, да знали бы!».

– *А на Пасху что пекли?*

Н.Е.: На Пасху пекли куличи, яйца красили, на Пасху яйца не ели.

А.Е.: Куличи пекли, яйца красили.

М.Е.: На Пасху не ели ничо (*нрзбр.*), столько было, было мяса, все уже, а потом...

А.Е.: Ребяты молодые, труба така большая, соберутся, катают телеги, (я)ички катают, бьют.

– *Вот такую семейскую песню спойте, которую родители пели?*

А.Е.: *Ходила я в садочке,*

Ходила зеленѐм,

Искала те следочки,

Где милый проходил,

Следков, г(ово)рит, не находила,

Садилась под кусток...

Вот дальше не знаю...

Н.Е.: А дальше забыла, да?

А.Е.: *Цыганка, г(ово)рит, ворожка*

Шутила надо мной,

Шутила и сказала:

Несчастная растѐшь,

Кого, г(ово)рит, нежно любишь,

Но замуж не пойдешь

(нрзбр.) Го(во)рят

Не верь, дол(р)огая,

Не верь никому

М.Е.: *Поверь, дорогая*

Мене одному

А.Е.: (нрзбр.)мы всё, бы(в)ало, как запоем, дак, ой, бляха-муха! Ой, старинны хорошие песни были.

– *Еще, может быть, какую вспомните?*

А.Е.: А етот...

Н.Е.: «Я верю горы зеленеют».

А.Е.: (нрзбр.)

Ветер веет, повеваает,

Сад зелененькой шумить,

Я сама про то не знаю,

Все которого любить,

Полюбила ведь я мальчишку,

Которого здесь нет,

Он во гол(р)оде, в Одейске

На широкой площади,

Там стояло три избушки,

Ммм, три избушки...

Небольшой ведь дом,

Везле дел(р)евушки

Сидел парень молодой,

Под двенадцатью замками,

За решеткой часовой,

Посадили его, молодого парня...

Как запоёшь, дак, я го(во)лю, лампочка тухла. Пели, как за стол сядешь, рюмочку, шо не так, как шас до упаду всё пьют, рюмочку выпьешь маленечко, лишь бы маленько голос был да зубы, и запоешь браво там, дак...

Плохо, Господь отобрал слух... От работ, от забот, от печали, от досады.

А.Е.: У нас тут то(г)да голодовка была, как раз наводнение было, мы это, пошли с мамой в Князевку, капусты нам там, картошки дали, семья ж больша была, этот атлас меняли, сарафаны были, бы(в)ало, (нрзбр.) Тряпки, на тряпки меняли, на еду.

Н.Е.: Так голодовка была в тридцать третьем году, была засуха.

А.Е.: А в двадцать восьмом наводнение.

Н.Е.: В двадцать (нрзбр.), наводнение было в двадцать восьмом и в семьдесят втором, в пятьдесят третьем году, вот сюда вода дошла и стала на меру, вот до этой лавочки всё.

А.Е.: Заливало с берега прямо.

Н.Е.: Вот сюда.

А.Е.: Во дворе была вода, у нас как раз поросята были, чушка. Тятя плот сделал такой, на плоту это поросяточки были.

– *Страшно.*

А.Е.: Жалко было.

– Жалко, конечно.

А.Е.: На плоту были, позагородились они.

Н.Е.: Они приезжали эти вояки, здесь было водомерный пост...

А.Е.: А коров гоняли...

Н.Е.: Я воду мерил от Благовещенской гидростанции, здесь водомерный пост был.

А.Е.: Коров на гóру гоняли.

Н.Е.: Я воду мерил.

А.Е.: Ходили в эти, доили их.

Н.Е.: Они г(ово)рят: «Давай грузиться?». Я говорю: «Я не буду – я говорю – она завтра станет на меру». «А откуда ты знаешь?». Я говорю: «Я по воде вижу, всю жисть здесь прожёл, она пред тем, как сбывать, светлей становится». Я говорю: «Завтра станет на меру». Точно, утром стала на меру. И не возил, а возили в Князевку скот отсюда, я на моторках, на лодках ездил туда...

А.Е.: На моторке (*нрзбр.*) и поплывешь туда, во в деревне вода была так.

Н.Е.: Она раз опоросила одиннадцать штук было (*нрзбр.*)

А.Е.: Как-то зацапила раз...

Н.Е.: Она там дурочка была, одного она столкнула, один утонул, а десять так и вылезли, вынесу им ведро корму, высыплю, напьётся прямо с плота, ложится и спит, они сосут ее.

– Ничего себе! Ой, страшно, конечно же.

Н.Е.: И так прожить, ну, вот до лавочки дошла, вот верх, и стала на меру.

– Так там всё поле затопило, да, в доме?

Н.Е.: А как же, ну, а как же! Соседа бочку железную пустую крутило, крутило во дворе, под терраской, токо тогда была, ее туда затолкало. Он приходит, говорит: «Николай, чё ты бочку взял?». Я говорю: «Да зачем? У меня свои бочки, мне не надо». «Нету – говорит – бочки». Я говорю: «Никого я не брал, зачем?». Вода сбыва, глянули, она под терраской лежить, ее туда затолкало водой.

«Все перевернул Господь. И судить не надо, раз така жизнь»

А.Е.: Господь так и довёл, что ничего нет, нужда, голод. Все водку, курят, как не знаю, табак, коноплю собирают, где попало. И в тридцать лет она уже легла, всё, свернулась. Раньше водку не пили...а сейчас...сидит за столом и пьёт. У нас бабушка, бывало, она не пила водку, мамина мать... рюмочку нальёт, рюмочку выпейте, там наперсток был, наперсток нальёт. Поздравила гостей. А сейчас пол-литра мало. Така жизнь пошла и смотреть нечего. Все таки стали. А скажешь – не верю старым людям. Посидишь (*нрзбр.*). Всё перевернулось. И сейчас идёт мужик или баба, не поймешь и не узнаешь. Сейчас и одёжа бравая и всё. Раньше такого не было. Бедно жили, хорошего же ничего не видели. И прожили – ничего хорошего не видели. Нужда была, семья больша была, дак, тоже и старых, ходили по миру много люди. Сумку идешь, вынесешь, на тебе (*нрзбр.*). Сейчас одни воспоминания, ничего не стало, не слушают – сами хозяева, молодые старших всех не знают. Молодые больше тебя знают сейчас. Сейчас совсем по-другому стала жизнь. И судить не надо, раз така жизнь. Всё перевернул Господь. Даже не Господь, а люди перевернули. Господь (*нрзбр.*) раньше верова-

ли, а сейчас кто верует, а кто не верует. Без «Начала» мы не ложимся спать. Господу Богу просим, чтоб дал здоровья маленько, с крестом всегда. Сейчас молоды больше старых знают. А жили сколько – больше ничего не знают. (нрзбр.)

– *Тетя Шура, а вы говорите без «Начала» спать не ложитесь. Прочитайте «Начало».*

А.Е.: «Отче» три раза прочитаешь, «Богородице» три раза и ложишься.

– *Прочитайте молитву, «Отче» и «Богородице»?*

А.Е.:

*Отче наш! Иже еси на небеси, на земле,
Хлеб засушенный давши мне,
Остави нам долги наши,
Яко же и мы оставляя должником нашим,
Не введи нас во искушение,
Избави от лукавого.*

И это, когда спать ложишься, и читаешь:

*Ложусь со Христом,
Ограждаюсь Христом.
Крест со мной,
Крест передо мной,
Вся сила небесная со мной.*

Три раза прочитаю и ложусь спать.

– *Тоже молитва?*

А.Е.: Молились Богу, молились. Вот, ложусь спать: «Святитель Христов, Никола! Сохрани и помилуй меня. Дай мне, Господи, здоровья». Почитаешь, почитаешь, ложишься, вроде и уснешь. Или, когда спать, три раза умоется водичкой, почитать три раза «Богородице», может, кто и подивился на тебя и чо, лучше уснешь. Три раза почитай: «*Богородице дево радуйся, обраданная Мария! Господь с тобой (нрзбр.) твоего, яко (нрзбр.) Христа спасу, избавить душам нашим*». Эту молитву три раза почитай, ложись спать, умоется с Господом Богом:

*Господи! Унеси мою болезнь ў дальние края, ў синие моря,
Где люди не бывают, где птица не летает.
Дай мне, Господи, здоровья. Силы, здоровья.
Отнеси от меня печали, досады, переживания,
Всё, чтоб спокойный был денечек.*

Тоже почитать надо на день маленько. Отец был у нас священник, Богу веровали. За стол не садились, а покрестимся:

*Господи! Иисусе Христе!
Имя Божие! Помилуй нас грешных.*

Садимся за стол и вот вылезает со стола, тоже три раза молимся и идем. Чтобы за стол сели без креста? Не! Помолися, и за стол садились. Сейчас молодым не скажешь. Скажи – они смеются, хохочут. Сейчас каждый по-своему живет. За стол не садились, чтоб не помолиться, и со стола вылезешь – три раза помолишься.

– *Тетя Шура, а вы пальцы как складываете, когда молиться?*

А.Е.: Угу. Вот так вот, у нас так палец (*показывает, как складывать пальцы при двухперстии*), а хохлы вот так вот как-то пальцы (*показывает трехперстие*), а у нас вот так палец положится, у семейских. Разно палец тоже ложится молиться Богу. У нас так вот ложатся.

– *А почему так, не знаете?*

А.Е.: А я не знаю.

Вот так вот, так хохлы молятся, а у нас семейских так ложут палец. Две веры, а Бог один.

– *А вот сейчас скоро праздник должен быть – Сердитая Богородица, есть такой праздник?*

А.Е.: Ну, есть.

– *А что это за праздник?*

А.Е.: Да, так просто называется. Боятся, чтоб грозы не было.

– *А когда он?*

А.Е.: А я сама сейчас уж забыла. В какое число бывает. Летом бывает.

– *Летом?*

А.Е.: Стала всё забывать. Что-нибудь сейчас, дак, что скажут, вспомню, а потом забуду, всё стала забывать.

**«Искали, но бесполезно, прошло столько лет»
(о затонувшем золоте)**

– *Про золото расскажите девочкам?*

Н.Е.: А-а, из Благовещенска эта канонерка, за этим островом, вот на той стороне Зеи. Ее обстреляли партизаны наши, эту канонерку, а на ней были белогвардейцы, на этой канонерке. Там было золото в слитках по двенадцать килограмм, один слиток нашли, его сдал в Князевку мужик. Золото, оружие, эти винтовки, патроны, вот эти ленты раньше были, сукно и опиум. Всё. Больше там ничего не было.

– *И так много.*

Н.Е.: Да. Они канонерку бросают, через сопки и через остров, прямо Китай же, убежали эти белогвардейцы. А наши, которые побогаче жили, у них были лодки, у бедняков же лодок не было, они на этих лодках и туда (*нрзбр.*). На этих лодках туда, золотишко кто там, кто оружие прихватит, кто патроны прихватит, кто опиум, кто сукно. На лодку и сюда.

– *А вы говорили, утонул кто-то?*

Н.Е.: А это утонул, не помнишь, Архип звали. Архип же утонул, не помнишь?

А.Е.: Воевали, воевали.

Н.Е.: Архип утонул (*нрзбр.*). Он на себя навешал патронов и лент этих, приплыл к лодке, а лодка перевернулась. Вот до сих пор его так и не нашли.

А.Е.: Не нашли его так в Зее.

Н.Е.: Не нашли. И золото это куда? Где ты его потом искать будешь? Разве найдешь где? Куда оно делось? Один кусок нашли этого золота, пахал один, отсюда двадцать километров, поля, под культиватор попало. А там же, которые богатые были, у их там были зимовья, кони, колодцы, видимо, и закопали где-то. А их раскулачили и отправили отсюда. За

Комсомольск, там Мылка есть (*нрзбр.*). И вот на этом всё. И больше никто этого золота не находил, куда оно всё делось и сколько его было – никто точно ничего не знает.

– А в наше время никто не копал? Огороды там? Не искали?

Н.Е.: А здесь эта, находила Маруська Петрова. А так почему? Искали, но бесполезно, прошло столько лет. Вот так вот получилось. А кто побогаче был растащили. А обстреляли их партизаны наши, канонерку эту, она за островом здесь стояла.

– А в каком году это было?

Н.Е.: Ой! Это давно было, я точно не знаю. А везли из Благовещенска, а тут застряли, там, видимо, ограбили банк или что.

«Поросята на плоту плавали»

– А когда наводнение было, не вымывало слитки?

Н.Е.: Наводнение было в двадцать восьмом году, а второе – не помню, третье в семьдесят втором, три раза наводнение было. А в двадцать восьмом году она ниже была, четыре километра отсюда, за той деревней. Сейчас там только сад черемухи остался, всё, больше в помине ничего нет. В двадцать восьмом году перевезли сюда ее, в Андреевку. Сейчас там называется Староандреевка, а здесь называется Новоандреевка.

А.Е.: Новоандреевка, ага. Вот така была деревня. Здесь две вулицы было, а сейчас ничего, хутор остался, никого, ничего. Никого нет...

М.Е.: Деревня там была така большая у нас.

Н.Е.: Мельница, перевезли у Комиссаровку, она сгорела.

А.Е.: Мельница была, ездили в Комиссаровке молот с деревень.

Н.Е.: Пристань была.

А.Е.: Пристань была, пароходы приставали. Ой, така улица была.

Н.Е.: Пароходы шли день и ночь, а сейчас ни одного фонаря.

А.Е.: А сейчас ничего нет... Была красива деревня.

Н.Е.: Возили здесь...

А.Е.: Молодёжи много было.

Н.Е.: ...а я лес принимал, лет двадцать, больше, по пять плотов в день приходило! Плот – две тыщи кубов леса!

А.Е.: Паромы ходили...

Н.Е.: Две тыщи кубов леса! Из Благовещенска, туды плавали всё, в Благовещенск лес. Драгошевского, Солныщево, Андреевка есть там еще. Здесь лес, здесь весь был (*нрзбр.*). В лесовозах возили тогда.

– Лес?

Н.Е.: Лес. А потом его плавили уже без (*нрзбр.*) плавили. Если вода маленькая, они со званивались, ГЭС давала воду...

А.Е.: Деревни этой не было бы, если бы ГЭС не построили, ее бы снесло давно уже, деревню. А то с берегов, как волны, дак прямо как прибывает.

Н.Е.: В шийсят третьем году у Комиссаровку все возили весь скот, в Комиссаровку, а это в двадцать восьмом году, а в шестьдесят третьем весь скот был в Князевке с Андреевки.

– Еще дальше туда?

Н.Е.: Нет, нет, вот Князевка, Комиссаровка вот куда. Двенадцать километров от Князевки. И на лодках плавали – коров доили. И свиней туда увозили всех. А люди, кто как, здесь жили в домах своих, кто совсем не уезжал, мы совсем не уезжали.

– *На крышу!?*

Н.Е.: Да нет, здесь также спали, так идешь, через половицы вода выступает (*нрзбр.*) а спали... Ну, во дворе по колено было. А поросят, поросята на плоту плавали один раз.

– *Вы рассказывали.*

Н.Е.: Десять вырастили. Цыпленок, правда, один залез за поленницу, неделю пробило (*нрзбр.*) вода сбывала... вышла на улицу, встала... вода.

А.Е.: Три раза прибывала.

Н.Е.: А в огороде...

А.Е.: В огороде всё спасали.

Н.Е.: Огороженный забор, на лодке проплываешь – даже дном не задеваешь! Всё завалило, само долго кукуруза стояла, потом тоже завалило, всё, последняя.

– *А что ели потом? Голод же!*

Н.Е.: Здорово ели! Две баночки дали, ой, баночку, правда, да баночку котлеток. Вот вся помощь. Две баночки консервы давали и всё.

А.Е.: Да кого там! Ничо ...

Н.Е.: Картошку в лодку накопили, воды в лодку, помнишь? Копали картошку?

А.Е.: Помню. Шесть кулей накопила.

Н.Е.: Да, сколько высыпали, она была вот такая вот.

А.Е.: С лодки прямо эта, оттуда вот так вот (*нрзбр.*).

Н.Е.: Она позеленела, не сгнила ни одна картошина. Зеленая-зеленая стала! И весной посадили.

А.Е.: Шесть мешков накопила, рассыпали, она высохла, зелененька стала и посадили.

Н.Е.: Весной.

– *Выросла потом?*

А.Е.: Выросла картошка.

Н.Е.: Выросла.

А.Е.: Прямо лодку ставлю, прямо куст выдеру – в лодку, (*нрзбр.*) шесть кулей накопила.

Н.Е.: В Князевке же там не топило, там брали на семена, там три-четыре мешка знакомые могут. Ну, пережили же.

– *Да, вообще тяжело семью, да, вот голод?*

Н.Е.: Конечно. И ничего же не было.

– *А в тридцать третьем голод был?*

Н.Е.: О-о-ой! Там в тридцать третьем была засуха, а не наводнение. Засуха. Мать живая, с ней было в Князевку ходили, она сарафан на капусту сменяла, золотое кольцо у неё было, кажется, да?

А.Е.: А?

Н.Е.: У матери сарафан был, золотое кольцо, на капусту сменяли, кажется.

А.Е.: На капусту, атласный.

Н.Е.: Да, да, да. В Князевке.

А.Е.: Там не топило. Там выше.

Н.Е.: В тридцать третьем году была засуха! Топило в двадцать восьмом.

А.Е.: В двадцать восьмом, ну.

Н.Е.: Это наводнение, а в тридцать третьем – засуха. Жили хорошо – коровы доились, рыбы сильно ловились, вот жили.

«Тятя на колхоз рыбачил, по шесть тонн рыбы сдавали»

– Так вы рыбак?

Н.Е.: Наверное.

– Наверное?

Н.Е.: Меня вся область знает.

А.Е.: У нас отец рыбачил.

Н.Е.: Тятя на колхоз рыбачил, по шесть тонн рыбы сдавали.

А.Е.: Сдавали в колхоз, деревня больша, две улицы было, в колхоз сдавал, палочку как-то писали, получали там (*нрзбр.*), сроду деньги не видели. Хоть что-нибудь купить, масло какое, материалу.

Н.Е.: Приедем – сдадим килограмм двести, сто пийсят. Ну, там надо на бригаду сколько, кто надо – себе возмёт на бригаду там, кашеварят там, поджарят, ухи наварят. Потом дня два полежит, камеры же не было, холодильника.

А.Е.: Бригада была, зимовье.

Н.Е.: Эту рыбу везут в свинарник свинням. В свинарник. Курям возили. Курей кормили.

А.Е.: У нас на заимках спали те, пока уборка пройдет, там, бывало, варили мужикам на работу. Проработали – и дояркой, и поваром, и свинаркой, и за курицами ходили – за свой век. И на лесозаготовки три раза же была.

Н.Е.: На Зее рыбы много было...вентеля там, сетки ставили, ванды делали.

А.Е.: Деревня большая была, на лесозаготовках ездили.

Н.Е.: По девяносто штук шийсят три года залазило в одну ванду, в одну.

– Ванда называлась?

Н.Е.: Да, ванда.

– А как она сделана была?

Н.Е.: Она сделана, только большая такая до потолка...

– Для больших рыб, да?

Н.Е.: На троелоба, краснопёра там.

– А её на что крепили?

Н.Е.: Её крепили, шнур, потом деревянный шест типа такого быстряка, с берега отталкивали (*нрзбр.*) Она тонет, а потом клали груз, чтоб она утонула. Там всё деревянное, ни одной проволоочки.

Убрал, выкатил, там дверки сделаны, эти дверки открываешь, рыбу убираешь ў мешки, выбрал и опять туда (*нрзбр.*) надавил, сковородник назывался, она раз – утонула.

– А сковородник называлась вся вот эта конструкция?

Н.Е.: Сковородник, который отталкиваешь её от берега метров пять, вот такой толщины жердина. И вот мы надавливали, чтоб утопить её, она же всплывет. А брусья, вот эти

кольца делали, чтоб вот ту видать остальную с красной талы, не с этой талы, а есть красна тала, ну, красная кожура на ней, она гнётся как проволока, вот так крути – она не ломается. Красная тала, она и сейчас растёт здесь.

– *Здесь на берегу её можно увидеть?*

Н.Е.: Да, на берегу там где-нибудь. Она тогда обыкновенная тала, её ивой называют, ну, тала, сверху просто красная блестит.

– *Кожура?*

Н.Е.: Кожура, да, да, красная-красная. И она гнётся как проволока, вот в такой круг согинаешь, она не ломается. (*нрзбр.*) вот с ней делали.

– *А закрепляли как?*

Н.Е.: А закрепляли, мелкую талу также плетёшь, как проволоку, мелкую талу, тоже гнётся, как проволока. Не было металлического ничего, всё только из талы!

– *А что ещё из нее плели? Из талы?*

Н.Е.: Ну, вот это, ванды плели, эти, ну, мордуши, но мордуши на озере ставят, они небольшие такие (*нрзбр.*).

– *А корзины плели?*

Н.Е.: Плели корзины, плели.

– *Они по-разному назывались или просто корзины?*

Н.Е.: Просто корзины назывались и всё. А корзины из талы плели мало, вот эти вот корни есть из-под дерева (*нрзбр.*).

– *Большие корзины были?*

Н.Е.: Ну, где-то ведёрные такие.

– *А формы какой были они? Круглые?*

Н.Е.: А кому как нравится: кто круглые, кто там типа полумесяца делал, кто делал квадратненькие, кому как нравится.

«Ведерный был самовар»

А.Е.: Ой, большой был самовар, ведёрный был самовар. Его не поднимешь, мужики на стол поставят, наливаешь. Ага, ведерный был. Труба такая была. У нас там ў сенцах его кипятили. Угля насыпешь туды, быстро печка топится, горячего угля туды, он быстро закипает, и на стол. У нас терраска маленькая эта, у нас была во всю, терраска была сделана. Потом уже терраску ту убрали, вот горница где, тоже сплошна была терраска, заходишь. И садили вьюны, садили кругом, и они так красиво цвели, они это кругом вот. И там стол стоял летом на терраске большой. Вьюны садили, специально вьюны садили летом. Палочки наткает, бывало, они цветут так хорошо.

– *Тетя Шура, а вот в печку какая посуда использовалось?*

А.Е.: Ну, посуда-то, противеня. Хлеб пекли, противеня были у нас, они у меня и сейчас два противня есть. Чугунки были. На плиту ставили, были чугунки. В чугунках, кастрюлей мало было, чугунки были, таки чистеньки. Чёрные, там белое было внизу, така эмалированная. Так в чугунках больше и ели. Ухваты были, этот с печки вытаскивали. Сквородник был, с русски печки, что там с русски печки. Лопатка была, хлеб садить была. Она и сейчас где-то живая, старая такая.

«Так хорошо качается... Вязку привяжешь и байкаешь сидишь»

– *Вот это вот очеп?*

А.Е.: Да, здесь эта качались, здесь была така палка, здесь люлька висела, качали маленьких, отец вот... Ну, вот туды её заталкивали в очеп, он так вот и качался, здесь люлька висела, и детей качали. Так его и не выдернул, так он и висит. Тятя, бывало, и кожу делал телёнка или чё, здесь эта, делал кожу, унты шили, ичиги. Это детей качали, прямо был такой эта, палка была затолкнутая, она прямо вот так качалась, вот так вот. Сейчас этот очеп, эти были, а у нас кровати не было, дак эта палка была, покачали, люлька была, кроваток не было, люлька была, была.

Люлька обшита материалом, туда ему подушечку положишь и качается. Занавесочку сделаешь, ребёночек там лежить, и качаешь.

– *Люльку как делали?*

Н.Е.: Люльку вот делали: четыре палки так и готово. Ну, квадратные такие. А здесь обтягивается материалом, обшиты материалом, туда стелили...

А.Е.: *(нрзбр.)* четыре вязочки отсюда, оттуда вот.

Н.Е.: Четыре вязки, эта палка продета вон туда до конца, а здесь же она гнётся так, за конец привязываешь, она же по углам, те четыре типа растяжки.

А.Е.: Занавесочки сделаешь, чтоб мухи не лезли. Так, так хорошо качается... Вязку привяжешь и байкаешь сидишь.

Н.Е.: Нас там всех перекатали.

А.Е.: Поешь, и он спит лежить.

– *А что поёшь?*

А.Е.: Ну, что? Что-нибудь, песню каку-нибудь.

– *Какую, например?*

А.Е.: *Позыбаю, поэбаю,*

Отец пошёл за рыбою,

Мать пошла коров доить,

Деточек кормить.

Вот и качаешь, он засыпает так.

«И досада вся уйдет, и печаль, переживания»

(о прошлом)

– *А ещё что пели?*

А.Е.: Я уже и забыла, чё припевала, забыла, этого не было. Я вот это у кого только, этого, Колю маленького, было его качали, или нет, ну, да, Афоня был, помер, того качали. И всё. Что-нибудь читаешь ему, спи.

– *Вот вы сейчас пели, может, ещё какую-то вспомните?*

А.Е.: Ну, я уже и забыла. Давно уже не качала, забыла уже песни эти. В голове ничо – не стала работать.

– *Ну, а ещё какую-нибудь, вот очень старую?*

А.Е.: Ну, каку песню. Голоса-то нет петь, пела, пели песни-то старинные:

Подлунна ноченька прохладна,

*Скрывался мечты... забыла как,
Моя ты любезная,
Подружка гулять
На кладбище пошла.
Гулять на кладбище пошла,
И гуляла до полночи,
Искала милого дружка,
Искала милого дружка.
Она там нашла его следочки,
Главой на памятник легла,
Главой на памятник легла.
Своим нежным голосочком,
Будила милого дружка,
Будила милого дружка.
«Устань, устань,
Дружочек милый,
Я без тебя жить не могу,
Я без тебя жить не могу.
Зачем, зачем
Было влюбляться,
Зачем златым кольцом дарить,
Зачем златым кольцом дарить?!»
Моё ли ты сердечко ретивое
Всегда по миленькому болить.*

Бывало, как запоешь эту песню, ой, (нрзбр.) милого дружка: «*Устань, устань, дружочек милый, я без тебя жить не могу. Зачем, зачем, было влюбляться, зачем златое кольцо дарить? Моё колечко, – г(о)в(о)рит, – не простое – всегда в коробочке лежит. Моё сердечко ретивое всегда по миленьким болит*». Была старинная песня, пели. Девчата поют. Молодые, молоды были. Красивые не были, а молодые были. Ой, прожили жизнь – ничего хорошего не видали. Как я, дак ни детей не было, никакой. Отца, мать похоронила, потом этих, (нрзбр.) тоже болела, ездила по больницам, сохранила, мама всё на этой койке спала, тятя там спал. Маме было семьдесят восемь, тятю восемьдесят, наверное. Чё-то забыла. Папа постарше был. Похоронила. За мамой так ходила, дак, там она лежала, здесь печка, плита была, стаканов пять-шесть стояло, всё чё только не попросишь. К врачам ходила, просила машину: «Поедьте до врачихи, да маме укол сделаем. Маме сильно плохо, да, болеет». Бывало, привезу врачиху. Ольга Ивановна была. Так не знаю, уехала в Белогорск она, её нету здесь, в Князевке жила. Бывало, привезу её, она укольчик сделает – мама уснет. Она и мало поболела, тятя сперва помер. Мама всего четыре месяца поболела и умерла. Тятю похоронили. У нас брат жил тятин, недалеко жил. Маруся, к нам как раз приехали хоронить маму (говорит о подруге Марии Брулевой), она (мама) ей говорит: «Пойдёмте сходим до тётки Дарьи, сходим. Я так тяжело, – говорит, – не могу эта». В этот же день тятю похоронили: «Пойдемте до тетки Дарьи да схороним, я дак, маненько у меня може сердце не будет так болеть». Ну,

мы пришли, домой пришли, она, мама и заболела. «Ой! Доча, чё ты, до Маруси, ой, так мне, – говорит, – тяжело. Не знаю». Мама мне и говорит: «Доча, прочитай Богородицу, да побрызгай меня». Ну, я Богородицу почитала, побрызгала её, она на второй день даже не встала, ничо, ноги сразу отказали. И четыре месяца полежала и похоронили. Може сглазом? У меня или чё ли. А я Богородицу ей прочитала, побрызгала, ноги-то помыла, по ее совету. Ничего, лучше не было, и на второй день тоже также было, Богородицу читала, от сглазу, молитву читаю от сглазу. Когда маленьки ребятишечки, побрызгаешь, дак он лучше спит. Богородице:

*Богородице дево радуйся,
Обраданная Мария!
Господь с тобою,
Благословенный плод
Чрева твоего.
Яко родила Христа,
Спас избавити
И душám нашим.*

Так три раза в водичку почитаешь, побрызгай ребеночка, помой ножки, ручки, он лучше уснет. Вот врачи это таскают, то уколы, то ещё что-нибудь. Нет, это, я сколько раз отходила, сколько раз почитаю, и успокоится ребёночек, спать станет. Молитву запишите эту, да вы молодые, дети будут, чё молитва, она ничего же. Почитаете, да так и себе бывает другой раз плохо, возьми да умойся, да три раза почитай, сама себе почитай, да и всё, и люди не знают, что умываешься да ту молитву, и ложись спать с Господом Богом. И уснешь лучше, и досада вся уйдет, и печаль, переживания. У всякого своё горе бывать. Ой! И молитвы, это спать ложиться, тоже не тяжело почитать три раза:

*Ложусь спать,
Ограждаюся крестом!
Крест со мной,
Крест передо мной.
Вся сила небесная со мной.*

Три раза почитай, да и ложись. Всё тебя никто не слышит, не знает. Легла спать спокойненько, ещё и уснешь. Головушка болеть не будет. А сейчас людей мало таких, никто ничего, ни одной молитвы не знают. А эту почитала, да и всё.

*Ложусь спать,
Ограждаюся крестом!
Крест со мной,
Крест передо мной.
Вся сила небесная со мной.*

И всё, легла спокойненько.

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. Под ударением различается пять гласных фонем /a/, /o/, /e/, /i/, /y/: *молода́, ко́мна-та, не́бо, ли́стья, калу́н*.

2. В единичных случаях между мягкими согласными произносится [e] в соответствии с литературным [a]: *петь (пя́ть), опеть, взеть*.

3. В первом предударном слоге после твердых согласных на месте /a/ и /o/ произносится [a] перед всеми ударными гласными (сильное недиссимилятивное аканье): *бр[а]ла́, к[а]да́* (когда), *маг[а]зи́н, г[а]не́нье, тр[а]ва́, тр[а]вы, вд[а]вы, д[а]ю, вд[а]ву́*.

4. После мягких согласных в первом предударном слоге наблюдаются следующие типы вокализма: единичные случаи яканья на фоне иканья, иканье.: *св'якро́йка, пэкр'яст'ила, пэн'исла́, йиму́, рэв'ила́, с'ирд'итэйэ*.

5. В ряде случаев отмечен переход [e] в [o] в ударной позиции после мягких согласных перед твердыми: *не́бо (небо), крёсным (крестным), оде́жа (одежда), скреши́бно (скрещено), трёхпёрсний (трёхперстный), пёрст (перст)*.

6. Отмечены единичные случаи предударного и заударного оканья: *о́не, само́я, вы-то́ишут*.

7. Иногда /a/ в безударной позиции после мягких согласных реализуется в [y]: *свукро́вь, отню́сут*.

8. Отмечены протетические [y], [a], [и] перед согласными: *ишла, игде, ишила, ирвать, увчера, алляной, аржаной, артом*.

9. В первом предударном слоге после шипящих на месте /e/, /o/ обычно произносится [e] и [ы], реже [a]: *женá, жына́, жанá; цена́, цына́, цана́; щив'эль, щав'эль, пшен'и́ца*.

10. Звонкие заднеязычные фонемы /г/, /г'/ обычно реализуются взрывными [г], [г']:
гонение, другой, грех, говорит. Однако иногда может выступать фрикативный [γ]: *γода, γолодо-вать, γоворить, γулять, γлотать, бүүор, помоγаю, γде*.

Разные по качеству звуки, реализующие /г/, могут встречаться в речи одного информанта: *γоворила – говорила, γоняли – гоняли, друγой – другой*.

11. На конце слов заднеязычная звонкая взрывная фонема /г/ реализуется в звуках [к] и [х]: *снек – снех, творок – творох, сток – стох, берек – берех, друк – друх*.

12. Сочетание [кт] обычно произносится как [хт]: *кто-то, хто, доктор, трактор*. Перед звонкими согласными предлог *к* иногда произносится как [γ]: *γ деду, γ десяти, γ дому, γ бабе*. Перед глухими – в отдельных случаях – [х]: *х себе, х чаму, х тебе*.

13. В речи информантов в единичных случаях отмечается прогрессивная ассимиляция заднеязычного согласного по мягкости: *Ванькя, нянькя, люлькя*.

14. Фонема /в/ может реализовываться звуками [в], [в'], [ф], [ф'], [w], [ў], [у]: *саван, ви-дишь, веселее; фсе, фчера, ф час; вверх, w лицо; попоў, свякроўка, ўзяли, ўместе, ўперед; унук, унутри, у школу*.

15. Встречается протетический [в] перед начальными гласными [o], [y]: *вутка, вулица, вострый, вокны, вотруби*.

16. Единичны случаи употребления предлога *ув* на месте *в*: *ув школу, ув армии, ув Литве*.

17. Фонемы /ш/, /ж/ обычно твердые: *шыре, шыбко, жытуха, жызынь, шынковать, жалтуха, жалток*. Единичны случаи произношения [ш'], [ж']: *ш'ли, ж'алит*.
18. Долгая глухая шипящая фонема реализуется как [шш]: *уставишыки, неkreшишный, неверушыые, шшас, шиэпоточники*.
19. Отмечены случаи произношения двойного мягкого согласного на месте сочетания «согласный + й»: *молон'н'ё, ботвин'н'я, угощен'н'е*.
20. Системно употребляется [р] на месте литературного [р']: *курыть, крэстить, прыснилось, крэшишеньне, крычала*.
21. В единичных случаях наблюдается утрата конечного согласного в сочетаниях согласных на конце слов: *крес, жись, ись (есть), совесь, мос*.
22. В ряде случаев отмечается протетический [й]: *йето, йетих, йекипаж, йон, йих*.
23. Фонема /ф/ реализуется в звуках [ф], [х], [хв]: *фронт, Херопонт, Хвёдор*.
24. Отмечена эпентеза гласных между двумя согласными: *полоз (полз), трудодени (трудодни), разоздала (раздала)*.
25. *Что* произносится как *чё, шо*.
26. В числительных на конце слов отмечены случаи отвердения согласных: *сем, во-сем*.
27. Отмечено в некоторых случаях произношение [п] в соответствии с литературным [п']: *купэль (купель), апэтит (аппетит), пырох (пирог)*.
28. Сочетание [tj] произносится как [tt]: *плаття, свиння*.
29. В отдельных словах (словоформах) ударение отличается от литературного: *былó, жили́, были́, роди́лась*.

Морфология

30. В ряде случаев отмечается иная, чем в литературном языке, родовая принадлежность имен существительных: *вывел из моря этот войск; этот море; он, молоннё, побежал по проводам; у меня вера другой*.
31. Отмечаются случаи употребления вариантов по роду имен существительных, даже в речи одного информанта: *молоннё – м.р. и ср.р.; шашмур (м.р.) – шашмура (ж.р.)*.
32. Отмечен переход существительных из одного типа склонения в другой: *простыня – простынь; церковь – церква*.
33. В формах И.п. и В.п. мн. ч. неодушевленных существительных преобладает окончание – а/ – я: *воза класть; хлеба стоят; такие ларя были; конна возили*, – хотя отмечаются и окончания – ы/ – и: *чегуны стояли; пироги някли; оладушки някли*.
34. Достаточно широко распространено безударное окончание – и/ – ы в И.п. и В.п. у существительных ср.р. с основой на твердый согласный: *вокны, польты, кины, вёдры*.
35. В Р.п. ед.ч. неодушевленных существительных м.р. наблюдаются формы с окончанием – у: *пришла с огороду; приехал с городу; стоят прямо у колодцу*.
36. В П.п. ед.ч. существительных м.р. отмечаются многочисленные случаи окончания – у: *на бугру была своя мельница; жили в одном дому; посмотри ў погребу*.
37. У имен существительных 1 скл. с основой на твердый согласный в форме Р.п. с предлогом употребляется как окончание – е, так и – ы: *была у маме – у мамы; у сястре – у сястры; от доске – от доски*.

38. У существительных 1 скл. ж.р. в Д.п. и П.п. ед.ч. отмечается окончание – *е* и – *и* (*-ы*): *к сестре – дам сестры; о маме; помочь сямье.*

39. Отмечается употребление собирательных существительных *singularia tantum* в плюральном значении: *чѐ делают молодежь; молодежь пришли и всё порушили; детвора играют.*

40. Выявлены особые случаи употребления падежных окончаний имен существительных во мн. и ед. ч.: *держу курей; скота поили; девчаты песни пели.*

41. Частотны случаи употребления стяженных форм прилагательных и местоимений как в ед.ч., так и во мн.ч.: *я беспоповска; хороша молодежь; все весѐлы были; така больша ручка; а зимой друга работа была.* Наряду со стяженными формами употребляются полные формы прилагательных и местоимений: *магазинная; самотканая; ранешные чички; хорошие дети; деревянная делается полоса; такая вот палка; такая вот длинная; разлица называется православная; я не старообрядцевая; запихивали в этые в самые.*

42. Отмечены случаи употребления местоимения *этот* в формах *этый* и *етий*: *в этые в самые; через этый мос(т) перевели, в етем дому.*

43. Местоимение *они* обычно употребляется в форме *оне* и *оны*: *оне какие-то поморцы; оне пошли в огонь; вот оне через этый мос(т) перевели поморцев; оне не праведные; оне гураны; давай оны его там; оны ему сказали.*

44. Наречие *туда* обычно употребляется как *туды*.

45. Широко представлены притяжательные местоимения *ихний, ихный, ейный, еёинный, еёиний*: *я ихняя невестка была; ихные мужья; ейные дети; еёинный дедушка был; еёинный дом.*

46. Употребляются следующие формы указательного местоимения *тот*: И.п. ед.ч. м.р. *той, тый*: *той брат, тый сосед, тый анбар*; И.п. ед.ч. ж.р. *тая*: *тая деўка, тая дочь*; В.п. *тую*: *тую деўку*; И.п. ед.ч. ср.р. *тое*: *тое окно*. Однако более частотными являются формы *тот, та, то*, изменяющиеся в соответствии с литературной нормой.

47. Личные местоимения 1 и 2 л. ед.ч. и возвратное местоимение Р.п. и В.п. имеют окончание – *е*: *у мене; у тебе; у себе; увидишь мене; мене муж тоже пьяница был; у мене Ванька некрещионный был; а мене она и не брала; у мене свякроўка поморка была; у мене жил; у мене две сестры*. В Д.п. и П.п. более частотна форма *мене*: *о мене*, – хотя отмечается и форма *мне*: *говорят обо мне; мне сон приснился*.

48. В косвенных падежах местоимения 3 л. часто употребляются без начального *н*: *на ие нельзя работать; у их какие-то были халаты; мы разные с им; платки у их же были; он к ей не подходил; у их своя семья была.*

49. Широко распространено употребление [т'] в окончаниях 3 л. глаголов ед.ч. и мн.ч., независимо от спряжения: *сохранять – сохраняють; покрестить – покрестють; знает – знают*. Однако даже в речи одного информанта отмечаются параллельные формы твердого и мягкого окончаний: *покрестют, носят, курють, пилють*.

50. Довольно часто наблюдается совпадение безударных окончаний 3 л. мн.ч. глаголов II спряжения с соответствующими окончаниями глаголов I спряжения: *покрестют, носят, курють, пилють*.

51. Зафиксирована форма давнопрошедшего времени, состоящая из глагола *быть* и знаменательного глагола в прошедшем времени: *свёкор тоже был рассказывал; он был пошёл; тот был говорил.*

Синтаксис

52. Отмечено употребление предлога *по* с В.п. в объектно-целевых конструкциях при глаголах движения: *дед по ягоды ходил; по дрова ездили; по корову ходила; по свякроўку сходим.*

53. Наблюдается параллельное употребление конструкций с предлогами *с* и *из*: *с Забайкалу приехали – из Забайкала были; с лесу пришел – вышел из моря; с дому сбежал – пришел из бани.*

54. Широко употребляется предлог *коло* с Р.п.: *коло дома; коло колодцу; коло двух суток.*

55. Единично беспредложное употребление форм Р.п. в притяжательном значении: *мене муж пьяница был.*

56. Отмечены случаи употребления двойных предлогов: *шел по-над забором; с-под копну это подталкивал.*

57. Отмечены случаи употребления существительных в форме И.п. вместо Р.п. и Т.п.: *вот эта канитель сколько; или с эта клюка.*

58. Зафиксированы особые, по сравнению с литературным языком, случаи управления: употребление Д.п. имен существительных вместо В.п.: *Богу веровал; а я Богу не веровал; буду Богу веровать*; Т.п. вместо В.п.: *гармонью заиграю*; П.п. местоимений вместо Д.п.: *я её говорю.*

59. Отмечены конструкции с повторяющимися предлогами: *по этой по реке; с друуом с этим.*

60. Частотны формы осложненного сказуемого: *он было сказал; попробуй было не верить; знать было читал; знай себе сидит.*

61. Единичны случаи употребления причастий на *–но* в функции сказуемого: *дадено три рубля; сказано сделать; было похоронено в лесу.*

62. Широко распространено употребление постпозитивной частицы *то* с именами существительными, местоимениями, глаголами: *она-то; брат-то; молитву-то; жили-то.*

63. Отмечены случаи замены субъекта в конструкциях с глаголами *заболеть, болеть*: *он легкими заболел; животом болел* (Ср. лит.: *легкие болели, живот болел*).

Словообразование

64. В речи женщин наблюдается частотное употребление деминутивной лексики: *занавесочки, хлебушек, молочко, детонька, травушка, рученьки.*

Лексика и фразеология

65. При обращении к младшей по возрасту используются формы *дочка, доча, доченька*. При обращении к отцу – *тятя*.

66. В речи семейских употребляется достаточно много диалектных лексем и фразеологизмов, а также слов и выражений религиозной тематики:

Лексика

Байкать – укачивать

Барзук – кисломолочный продукт, разновидность простокваши

Браво – хорошо

Бравый – хороший, лучший

Быстряк (бастрык) – жердь, предназначенная для крепления сена на возу

В церковном – по-церковному

Ванда – рыболовная снасть в виде небольшой плетеной корзины

Вентель – рыболовная снасть в виде плетеного рукава с двумя отверстиями разного диаметра

Венчик – головной убор замужней семейской женщины, надеваемый под платок; шамшура.

Врачица – женщина врач

Вышка – чердак

Вязочки – веревки для крепления колыбели

Горница – лучшая (передняя) комната крестьянского дома

Ёсики – короткие кожаные сапоги

Живой – годный к использованию

Займка – небольшое сенокосное угодие, находящееся обычно в лесу, на поляне

Зимовье – небольшой дом в лесу, предназначенный для времяпрепровождения охотников

Зыбать (позыбать) – качать колыбель

Изба – крестьянский дом

Йчиги – короткие кожаные сапоги

Кожура – кора

Корытье – корыто

Краснопёр – речная рыба красноперка

Лёвды – оборки на женской одежде

Лесина – ствол дерева большого объема

Лёстовка (лёсточка) – семейские четки

Лисяный – сделанный из дерева лиственя (лиственницы)

Лопатка – приспособление для вынимания хлеба из русской печи

Макуха – семена мака

Мордúша – рыболовная снасть в виде плетеной корзины

Нарочно – специально

Опоросить – родить поросят

Очеп – жердь, позволяющая качать колыбель

По стариночке – по-старинному

Семейские – старообрядцы Сибири, Забайкалья и Приамурья

Семянки – семена тыквы

Сковорóдник – приспособление для вынимания сковороды из русской печи

Троелоб – речная рыба троегуб

Тыквица – тыква

Ухвát – приспособление для вынимания чугунов из русской печи

Хохóл – человек украинской национальности

Чугóнка – небольшой чугу́н

Яблочка – плод дикой яблони

Ящик – сундук

Фразеология

Покой нашли – умерли

Ходить по миру – жить милостыней, бедствовать

Пословицы и поговорки

Кто курит табак, тот хуже собак

Чужая шуба не одежда, чужой муж не надежа